

Игорь Шестков "Бешеный волк"

БЕШЕННЫЙ ВОЛК

Случилась это в начале шестидесятых. Я отдыхал с бабушкой в Доме отдыха на Клязьме. Мне было восемь лет. Каждый вечер нам показывали кино. А перед кино, как тогда было принято, журнал. Обычно – «Новости дня». Это было скучно, но успокаивало. Партия и правительство заботились о народе. Народ отвечал безграничной преданностью партии. Урожай собрали вовремя. Стали выплавляли больше всех в мире. Балет Большого театра выступил с успехом в Лондоне и Рязани. Но в тот раз журнал заменили актуальным агитационным фильмом. Как было написано в титрах – «снятым в целях предотвращения укусов населения бешеными животными». Фильм был сделан в традициях экспрессионистического немого кино. В начале показали лес. Без звука. Черно-белый. Ветки деревьев беззвучно качались. По высокой траве на поляне ходили волны ветра. Потом торжественный голос возвестил: «Лес европейской части нашей страны таит в себе опасность. Все чаще встречаются в нем зараженные бациллой бешенства животные. Бешеные лисы. Бешеные хорьки. Бешеные волки. Будьте бдительны! В случае укушения немедленно обращайтесь к врачу!»

На экране появляется волк. Он стоит рядом с кустами. Камера показывает волка издали, потом начинает укрупнять план – морда волка медленно растет и в конце концов занимает собой весь экран. Волк смотрит вниз. Косящие его глаза полны муки и безумия. Из пасти идет пена.

Потом на экране – больничная палата. Бесконечный ряд кроватей с больными. Вот и больной мальчик. Его лицо искажено страхом. Диктор говорит сурово: «Его укусил бешеный волк! Он не обратился к врачу. А вакцина от бешенства действует только в день укуса. Ребенок умрет!»

Это значит, никакая сила не в состоянии его спасти. Ни партия, ни правительство. Ни сталь не поможет, ни балет. Мальчику придется превращаться в такого же страшного, косо в землю смотрящего зверя. Бояться воды и света. Кусаться, бесноваться и умереть в одиночестве в лесу. Его труп

будут грызть маленькие гадкие животные. Остатки сожрут муравьи.

Я почувствовал, как по моей спине забегали мурашки. Меня бросило в жар, я пролепетал что-то сидящей рядом бабушке, встал и вышел из темного кинозала. Бабушка догнала меня. Взяла за руку и проводила в нашу комнату с двумя кроватями. Я разделся и лег. Мне было страшно.

Всю ночь меня трясло. Болело горло. Поднялась температура. Бабушка сидела рядом. Приходил врач. Говорил что-то успокоительное. На лоб мне положили холодный компресс, который сейчас же стал теплый и противный. Ноги протирали водкой. Все это не помогало. Перед глазами у меня стоял страшный лес. Огромные деревья беззвучно шевелили ветками. По траве проходили как конвульсии волны ветра. На опушке леса стоял бешеный волк и косо глядел вниз. Безумный мальчик беззвучно неся по черно-белому лесу – он не хотел умирать.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Было это там же, на Клязьме. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, и я стыдился того, что я в Доме отдыха не один, а с старой больной бабушкой. Я только недавно приехал с побережья Черного моря. С меня еще не сошел оливково-шоколадный загар. Сравнивая свою руку с руками сверстников, я убеждался в превосходстве черноморского загара над подмосковным, багровым. Чувство отчаянной радости бытия переполняло меня. Я все время смеялся. Часто прыгал и скакал без цели. Курил. Вызывающе смотрел не только на сверстниц, но и на казавшихся мне непоправимо пожилыми двадцатидвух–двадцатитрехлетних девушек. Выходя из воды после купания, напрягал мышцы спины, чтобы подчеркнуть треугольность ее формы. Словом, был настоящий молодой баран.

Среди отдыхающих Дома отдыха попадались странные люди. Одного из них, невзрачного мужчину средних лет, звали Чижов или Чижиков. Он был, как рассказывали, «в те времена» главным прокурором Украины. Говорили, что этот «зверь» отправил на тот свет несметное количество людей. «В те времена»

означало «во времена сталинщины». В начале семидесятых имя Сталина еще произносили шепотом. Или вообще не произносили. Говорили: Усатый, Вождь, Друг детей. Или – «во времена культа личности». А кого культ – не поясняли. С какого-то времени я стал замечать, что этот Чижов обращает на меня внимание и ищет возможности поговорить. Мне это хоть и не было приятно (что со стариками разговаривать?), но все-таки немного льстило. Как ни как – а «бывший главный прокурор Украины». В советские времена слово «главный» обладало магической силой и пахло томительно сладко. Властью. Влиянием. Деньгами.

Однажды он заговорил со мной. Было это на пляже. Сказал – как ты хорошо плаваешь, какой красивый стиль. Мне понравилось, что он заметил мой кроль. Я тоже считал его очень красивым. Что-то ответил, мы немного потрепались. Приятно было, что взрослый говорит со мной просто, как с равным, без нравочений или претензий. Он обращался ко мне на ты. Я с ним – на вы. На следующий день мы уже здоровались как старые приятели. Еще через день он предложил пройтись с ним вместе «к охотникам». Это означало – дойти до отдаленного охотничьего домика по асфальтированной дороге, а обратно – по лесу и берегу водохранилища. Обычно эта прогулка занимала часа три. Я согласился, хотя что-то меня настораживало. Внутренний голос подсказывал мне – что-то этому Чижику от меня надо. Может быть и скверное. Как-то он странно дергался, разговаривая. Лицо шершавое, глаз не видно, брови как кусты. Руки – большие, сильные, часто сжимались в кулаки. Нервные руки. Роста он был небольшого. Невзрачен, но эта его невзрачность, как я заметил, маскировала непонятное мне стремление. К чему? Я не понимал.

Бабушке я не сказал, куда иду и с кем. Она мне доверяла, потому что знала – несмотря на мою молодость и глупость я был московским человеком, т.е. был готов к отпору всяческих посягательств. Кроме того я был и трусоват.

Мы вышли после обеда. Было жарко. Я был в шортах и майке. Под шортами – плавки, на случай если захочется искупаться. Мой спутник был в «казенных» брюках, в ковбойке с длинными рукавами, на спине нес увесистый рюкзак. В нем были две бутылки портвейна, стаканы, надувной матрас, хлеб, банка килек и одеяло.

Мы шли по асфальтированной дороге, болтали о незначительных вещах. В числе прочего, Чижов спросил меня, не ходили ли мальчики моего класса вместе в баню. Я ответил – нет. На это он захохотал и сказал, что это так замечательно – париться вместе... И для тела полезно и потом здорово...

Мне всегда были отвратительны общественные бани. Совместный помыв уничтожает неприкосновенность личности. Как неприятны случайные прикосновения чужих скользких тел! Черные ногти и изъеденные грибками пальцы ног банных посетителей всегда приводили меня в отчаянье. Мне казалось что боги или природа допустили ошибку в конструировании...

Бесформенные, похожие на чурку тела, гигантские отвислые животы, волосатые спины, изношенные гениталии – все это внушает страх и свидетельствует о трудной, механической жизни их обладателей. И сколько ни потей, ни мойся, сколько друг друга березовым веником ни хлещи, а ни здоровей, ни красивей не станешь. После русской бани распаренные красномордые мужчины обычно накачиваются пивом с водкой... Гадко.

По дороге мы болтали. Дошли до охотничьего домика. Повернули назад. Углубились в лес. Шли по лесу минут десять. Вышли на небольшую поляну с шелковистой высокой травой. Тут Чижов захотел сделать привал. Он вынул из рюкзака матрас, предложил мне его надуть, а сам пошел за дровами – для костра. Скоро и костер горел и матрас был надут и одеяло на него брошено. Мы сидели. Чижов достал портвейн. Налил в стаканы. Сказал: «Ну, будем здоровы!» Выпил свой портвейн залпом. Я тоже попытался выпить залпом стакан пахнущей помоями жидкости, но подавился и закашлялся. Пришлось пить маленькими глотками.

Мы закусили хлебом и кильками. После второго стакана я опьянел. Меня развезло, я потихоньку «отключился». Не совсем, конечно. Помню смутно, как Чижов что-то мне шептал на ухо, смеялся. Протягивал мне третий стакан. Уговаривал выпить. Я стакан от себя отталкивал. Потом его шершавое лицо вдруг приблизилось к моему лицу. Он поцеловал меня. Я пытался отстраниться. Он обнял меня, крепко сжал. Отпустил. Стал раздевать. Я был пассивен. Ничего не понимал. Весь мир крутился вокруг моего носа. В глазах стояло бурое море. Мне казалось, что я, как бутылка, полон портвейна. Казалось, что Чижов

пытается меня выпить.

«Не пей, – убеждал я. – Не пей!»

«Выпью, выпью», – отзывался Чижов.

Потом мы стали бороться. Чижов навалился на меня. Обхватил и стал крутить. Я вяло пытался ему противодействовать. Руки меня не слушались. Ударил его ногой в голый живот. Моя пятка скользнула по животу как по салу. Чижов придавил меня и опять появилось чувство, что он пытается высосать меня. Как ракушку.

Не знаю, долго ли все это продолжалось. Мне казалось – вечность.

Когда я, наконец, пришел в себя, то не сразу понял, что лежу на надувном матрасе. Под гадким колючим одеялом. Голый и пьяный. Но дееспособный.

Чижов стоял метрах в пяти и мочился на березу. Он был тоже голый, маленький и страшный. Повернул голову, посмотрел в мою сторону. Засмеялся гадко. И тут я узнал в Чижове волка. Он смотрел вниз, во всей его фигуре было что-то болезненное, безумное.

Тут, наконец, до меня дошло. Дошло, зачем он хвалил мое плаванье, зачем прогулка и портвейн. Меня охватила ярость.

Я крикнул: «Отъебись от меня, пи..р поганый!»

Он отозвался: «Не теряй стиля, Димочка. Я таких как ты валенком хлебал, на карандаш насаживал! Интеллигенттики!»

«Засунь свои валенки и карандаши себе в задницу!»

«Ты лучше полижи мой аленький цветочек!»

Сказав это, он показал мне свой черно-красный зад, растянув своими большими руками ягодицы. Потом встал на четвереньки, и начал так, на четырех конечностях, бегать вокруг костра. Пришел в экстаз. Рот его был полуоткрыт, в углах рта выступила пена.

На ходу он долдонил про себя: «Маменькины сынки, дрянь, сосунки... Сколько я вас покрошил... Аа, Аа, Аа... Говноеды!»

Мне хотелось встать, ударить его изо всех сил ногой и убежать. Но я его боялся.

Боялся, что он догонит, прыгнет, вопьется мне когтями в спину и укусит как волк, пререгрызет шейный позвонок.

Я нашел глазами мои плавки, валявшиеся рядом с матрасом, и попытался

достать их рукой. Чижов заметил это, зарычал и вцепился мне зубами в руку. Укусил. Потом отпустил руку, схватил зубами, как пес, плавки и унес. Бросил их в сторону, мотнув головой. Завыл. Пятясь и вихляя задом, пополз назад ко мне. На расстоянии вытянутой руки остановился. Опять растянул руками ягодицы. Я против воли посмотрел на его дырку. Она была раскрыта и подрагивала. Волчий анус. Аленький цветочек.

Потом он упал в изнеможении на траву. Стал по ней кататься и дергаться как паралитик.

Я нашел в себе силы встать. Надел шорты без плавков, майку, кеды. Чижов тем временем переполз на матрас. Укрылся одеялом. Допил прямо из горлышка вторую бутылку портвейна. И сразу захрапел.

Я ушел от него. Вышел на берег водохранилища. Разделся и прыгнул в зеленоватую воду. Прополоскал горло, натер себя мягкой глиной, вымылся. И наплавался вволю.

В воде полегчало. Я вышел на берег, оделся на мокрое тело и побежал в Дом отдыха. Бабушки в комнате не было. Пошел в столовую. За нашим столом уже сидела бабушка, ее подруга Раиса Романовна и ее муж, профессор химик. Они разговаривали о новом романе Фолкнера. Официантки разносили чай и свежее испеченные ватрушки.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ

В начале восьмидесятых я работал в ...ском НИИ в Москве. Вместе со мной там трудился аспирант А., симпатичный парень из провинции. Он часто рассказывал про своего отца, командира вертолетного подразделения на афганской войне. Аспирант корпел три года и в конце с успехом защитил диссертацию. После защиты тогда еще устраивали банкеты. На банкет прибыл отец аспиранта, подполковник, моложавый 45-летний человек. Он пришел не в форме, а в импортном вельветовом пиджаке и американских джинсах – до советского вторжения Афганистан был чем-то вроде перевалочного пункта для многих западных товаров и доблестные войны советской армии, особенно офицеры,

крепко там прибарахлились. Подполковник вел себя на банкете поначалу скромно, потом стал вальяжнее, сделал несколько комплиментов нашим лабораторским дамам. Плясал и пел. А к концу банкета нарезался всерьез, погрузился и стал агрессивен. Так часто бывает с русскими людьми – пьяные вначале плачут, потом блюют, потом дерутся. Или тоже, но в обратном порядке. Подполковник не дрался, но говорил задиристо.

Он кричал: «Вы тут танцуете, а я людей убивал. Понимаете, я людей убивал! Вот этими руками. Афганов. Вы тут науками занимаетесь. А я военный. Я верен партии и народу, а вы все удрать хотите. Я исполняю этот, как его, блин, ну... интернациональный долг. Я людей убиваю!»

«Меня жена бросила», – сказал он напоследок совсем тихо. И заплакал.

К нему подошли, пытались его успокоить.

Аспирант сгорал от стыда. Потом махнул на все рукой и сел рядом с отцом.

Вскоре подполковник плакать перестал. Сидел, молчал и тупо глядел перед собой. Сын его утешал.

Я подошел к ним. Подполковник опять начал говорить.

«Эх ребятки. Расскажу вам одну историю. Короткую.

Было это под Кандагаром. Нам дали приказ очистить деревню, потому что там боевики якобы засели. Ну эти, афганы. Командиру легко в Кабуле. Они там сидят, водку пьют и приказы раздают. Очистить деревню. Это значит прилететь туда на вертолетах. А потом – что? Начнешь высаживать солдат – сразу получишь или гранату или очередь из пулемета. Значит, солдат не высаживаешь, а только сверху бомбишь. Так они все по норам сидят. Умные. В норах и жратва и оружие. А сверху только ихние бабы да детишки бегают. Ты отбомбишься, улетишь. А завтра за границей везде фотографии – мертвые женщины и дети. Советские их убили. А душманы дальше воюют. На конвои нападают. Из Кабула директива приходит – не бомбить, а высаживаться и очищать. Ну, тут мое дело солдат доставить и смыться побыстрее. А к вечеру – забрать кого можно. Обычно я сам в операциях не участвую. Только планирую, контролирую, рапортую. А тут приказ – самому возглавить операцию... Звоню генералу Л., мы с ним вместе в академии учились. Леша, говорю, я ведь вертолетчик, а не пехота. Ты что, охуел? Посылай Маринина, а я буду только ишаком.

Нет, говорит, товарищ майор, вы ответственный за операцию.

Сволочь! Потом, на базе, после карт, ржал как конь. Говорил, ну что мол, как мы тебя в бутылку загнали!

Ну это потом. А мне в деревню лететь надо. Там воевать. А до деревни – десять ущелий, воздушные потоки там, турбулентность, машины будет мотать, солдаты блевать будут.

Ладно, полетели. Потряслись. Поблевали. Высадил я солдат рядом с деревушкой. Сам тоже вышел. Обстрела не было. Не было вообще никого. В одну хибару ворвались, в другую. Нет никого. Значит, жди засады или другого подвоха какого. Деревня, вроде как в долине. Вокруг только камни, то ли степь то ли пустыня. И пещеры. Что они тут жрут? Как живут? И главное, что мы тут забыли? Ладно, думать не положено! Тебе доведено и делай, что приказано!

Ну вот, ходят, значит, солдаты с огнеметами, хибары обыскивают и зажигают. Что еще делать-то? Оружия мы не нашли. Зато барахлишко кое-какое прихватили. Откуда что берется? Известно откуда – опиум там разводят, но об этом говорить запрещено. Молчок.

Ну вот, хожу по деревне. Прикидываю, что в рапорте писать буду.

Попросил у солдата огнемет. Захотелось попробовать, никогда сам до того не жег. Отличная машина. Металл прожигает.

Вдруг вижу – тень мелькнула на улице. Как чиркнула. Я стою с огнеметом, жду. Напрягся. Потом еще раз – тень у каменной стены. Ну, думаю, сейчас из всех углов повыскочат и нас порешат. Потом смотрю, прямо на середине улицы стоит кто-то, не солдат, не афган, а вроде собака.

Пригляделся – волк, волчара огромная. Смотрит косо, вниз. На морде – пена. Бешеный значит. Ну тут я огнеметом и дал по нему. Он взметнулся вверх. Как ангел огненный. А потом упал и сгорел. Мы потом с солдатом разглядывали – только пепел серый остался. Ну, кино.

Мы улетели. После узнали, что жители бешеного волка испугались и в горах отсиживались. Это им жизнь и спасло. Ведь обычно их всех наши солдаты огнеметами сжигали. И женщин и детей. Что на них пули то тратить. Все одно – афганы.

И ведь что смешно, мне за эту операцию подполковника дали. За волка. Я в

рапорте много чего порасписал.

Ну что ребята. Давай выпьем, у меня сын – кандидат, а я вам все байки рассказываю...»

Банкет закончился благополучно. Кое-кто немного перепил, а так, ничего, все были довольны.